

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ЧЕРДЫНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ (Материалы для сборника)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-14-59009-ОГН «Фольклорная сказочная проза Северного Прикамья:
универсальное, региональное, локальное
(на материале записей второй половины XX — начала XXI в.)»*

Публикуемая подборка включает три раздела, каждый из которых отражает актуальные народные представления о конкретном мифологическом персонаже: домовом, баннике и лешем. Тексты были записаны на территории Чердынского района Пермского края в ходе студенческих фольклорных и диалектологических практик и экспедиционных выездов сотрудников филологического факультета ПГНИУ (1998–2011 гг.)¹.

Вошедшие в подборку тексты представляют собой дословные расшифровки полевых аудиоинтервью. Вопросы собирателей приведены в скобках. Диалектные особенности речи рассказчиков по возможности сохранены. После каждого рассказа дана информация о месте сбора, годе записи и собирателе. Сведения об информантах и собирателях приведены в конце в двух списках. К подборке текстов прилагается указатель мотивов.

Домовой

1. А ето тожо суетка вот давит, какой-ко нечистой. Тожо переживашь и, будешь думать чё-ко и. У меня как-то бывало тожо. Я спала. Уснула на печке, а никого не было, ушли хто-ко, видно, все, я уснула на печке, пригрело, и уснула, на русской. Потом, Осподи, не могу пошевелиться, меня давит хто-то. Ревить не могу даже. Потом я пробудилася и как взяла и бросила его от себя, и сразу враз скатилася. Я встала, встала – никого нету, я одна. Тёмно. Давай пошла огонь зажигать. Вот суседко есь. (А он какой?) Ну, он маленькой такой. Сусидиха есть, и суседко есь. (А он на кого похож, суседка?) А сусидиха, она такая малинька, сидит и прядёт, тр-р-р, веретёшко журчит. Я видала, даже она сидела на грядке. Прядёт. Я говорю: вон, показываю, кому-то показывала. А она потом убижит. В голбице-то там брякает по листницам. (А она на кого похожа?) Ну, я не знаю, я же, чё разглядывать не буду эдь её. (Ну, она на человека похожа?) Да зверь. (Зверь?) Угу. (А с какой головой?) Голова такая, как с ушами, с этима, с рогами. (С рогами? А на ней какое-то платье было, нет?) Не, такая просто как зверь. (Как какой зверь?) Ну, как тебе сказать, я не знаю. Ну, нечистой, нечистой раз дак. (А суседка на кого похож?) Ак суседко, тожо такой жо, тожо дьявол. (Тоже с рогами?) Ну. (А он мохнатый?) Мохнатой. (А вы вот руками-то его толкнули,

¹ Записи хранятся в архивах диалектологической и фольклорной практики филологического факультета ПГНИУ.

ведь почувствовали?) А я не трогала его. (А вы говорите, сбросили его с себя.) Ну, так я сонная да спала, сонная-та взяла и бросила его как с себя. (А вы не почувствовали какой он: мохнатый, теплый, холодный?) Ничё я не почувствовала. Я испугалась. И гора с меня скатилась, и я пробудилась сразу. (Он к чему-то появляется? К худу, к добру?) А это спрашивают у его, он давит есле, и говорят: к худу или к добру? Он скажет: к худу, это на смерть. (На смерть?) Угу. (А у вас что было?) А у меня он ничего не говорил. (Вы не спрашивали?) Не я не спрашивала, я пробудилась и бросила его, толкнула с себя. Как он пал ровно. (Вы слышали, как он упал?) Да, и в голбец. Тут как раз завалина была дак, в голбец. Он туда, в голбець. (А суседиха когда появляется?) Дак она появляется, езли переживаешь чё-ко, дак она появляется. А так-ту эдь нет. (А вот говорят, что еще нельзя пряжу не благословясь, оставлять, муку. Вот она тогда еще может появиться.) Тамока тожо чё-ко мешат, муку езде оставят ну, в голбце, она тамока муку берёт и чё-ко делат, сеет ли чё. Сеет она, люди это всё говорят, я сама-та... (Они что, в голбце живут?) Угу. В голбце живут. (А их когда можно увидеть?) А их не увидишь так-ту. (А у них дети есть?) А я не знаю это, не знаю. (Не говорят про них?) Нет. Оне не говорят, ты эдь не розговаривашь с има.

[с. Редикор, 2008]

2. Меня один раз, я тут жила, вот помню, ночью, суседка зовут, вот суседка, или как его зовут. Вот прямо сел на грудь, и вот давит-давит. Ну не могу ни вздохнуть, ничё! «Уходи!» – а своёво, живой ещё был или не был у меня живой – живой, по-моему, был... Я его: «Ваня, уходи! Ваня, уходи! – вроде... Ваня у меня звали, Иван, – Уходи с меня, мне тяжело!» А мне вот прямо душит-душит, ну не могу вот, не могу ни вздохнуть, ничё! Вроде бы стараюсь встать, да чё вот, это я вот самой так раз было. А потом сказала: «Господи, благослови, Христос», – чё-то перекрестилась – и вроде кто-то с меня слез. Такое вот, кажется – это говорят: «Суседка давит». Ну, не к добру тоже, говорят, чё-то... (Не к добру?) Ну, может, перед этим, что вот хозяину-то умереть. Чё-то вот это раньше замечали всё такое-то. (А суседка, он где живет?) А я ведь не знаю, где-ко он, домовой-то, живет. Он, говорят, в каждом доме должен быть, домовой-то.

[пгт Нырб, 2010]

3. Это раньше я, это, в Бигичах раньше жила, было мне, наверно, лет двадцать тогда. Жила у нас на угоре там, за лугом, вы бывали в Бигичах-то дак, там за этим лугом было ещё домов пятнадцать. Гора там такая, Выха звали у нас её. Там поля, это была гора такая, а над полями тут вот ещё домов пятнадцать было, жили раньше жители, а потом уже нету. А она вот осталась одна, ну, она мне не подружка, ну, все знали же тамака. А она была ещё не старая, я молодая была, наверно, года двадцать четыре было ли чё. У её умерли отец и мать, умерли где-то в одно время, а она осталась одна. И всех там уже домов-то нету, но вот она одна ещё там жила. Она когда-то нам говорит, это: «Боюсь спать». Я говорю: «Чё боишься-то?» – «А приди ко мне спать!» А мы тут недалеко от неё жили. «Ну, приди!» Ну, я пообещалась: «Приду». – «Я, мол, не могу спать ночью, часов в двенадцать». Там же раньше вот не стулья были, а лавки, в деревне-то, вдоль стен,

лавки, скамейки ли, лавки ли, были вот так кругом. Стульёв же не было, стулья только были в горнице, там, в другой комнате, там как вроде для гостей. (А горницу топили или она была холодная?) Топили, топили. Каминны были тоже. А тут вот русская печка, где тут лавки были. Она говорит: «Не могу спать, в двенадцать часов кто-то прямо там на потолке». Она на печке, помню, всё спала на русской. Говорит: «Прямо так кто-то ходит, стучит, и самовар на лавке бренчит». Помню, у неё самовар стоял на лавке тут, в уголке. Самовар там, посуда, чашки, ложки бренчат тамака. Говорит: «Не могу и всё спать я, боюсь». Ну и вот, позвала нас. Я пришла, одна пришла. Также вот где-то часов в двенадцать мы с ей на печку легли – как всё загремело! Я не верила ей тоже. Как загремело, тут кто-то застучал над нами тут потолок-то... Страшно стало! Потом она чё-то тоже стала молиться ли чё, а вроде это, кто-то ушёл куда-то, нет... На вторую ночь опять мы пришли потом, с подружкой пришли. Опять такая история. Где-то вот часов в двенадцать всё. Опять такая история. Потом мы позвали парня одного ещё там. Ну, неженатый парень был, ну, мы девки ещё были. Пришёл с нами парень один. Ну, парень внизу спал, а мы на печке все трое спали. И так же, такая же история. Потом она говорит: «Я в церкву ездила». Чё она делала там, молилась или чё ли, не знаю, свечку ставила... Но потом перестало. Потом она маленько пожила да уехала на Бубыл, она вот прошлый год ещё умерла только. (Это что получается? Как это объяснить?) Ничё не знаю. Ну, говорят, чё-то чудится, что чудится. Но это не чудилось. Это в самом деле вот – бренчат ложки, поварёшки, самовар прямо... Раньше самовары же были такие, вот жёлтые, не какие вот щас, жёлтые, старинные были. Вот он у их стоял тут в уголке, и точно прямо вот, знаешь, скачет вот этот самовар! Как трясётся.

[пгт Ныроб, 2010]

4. Раньше-то ведь всё чудилось, всё делали. Я вот слыхала, раньше, видишь, если, благословесь, раньше-то своя мука, свой хлеб был, сеяли да пахали дак, в голбце, дома-то вот жила дак. Мама, царство ей небесное, у печки стоит чё-то, варит, она и не слышит. А я, мама, говорю: «В голбце-то хто у нас муку-ту сеет». Благословесь... взяли муку, благословесь не закрыли, не перекрестили – сусидиха, говорят, домовая. О, шшолкát, прямо ситом шшолкát, руками, аж страшно. Она услышала, говорит: «Ой, раньше услышала – волосы дыбом». Молодая была, хорошо слышала. Аж волосы-де у меня дыбом! И пряха, пряху жо... (Суседиха?) Да, это же суседиха. Я ишшо не уснула, не благословесь пряху-то с куделей-то поставила, дак она аж гургат. Ой, как... аж страшно! Вот всё надо благословесь. А счас ни чёрта, ни бога – ничё не бояться все!

[пгт Ныроб, 2010]

5. И знаете ещё, в детстве я боялась суседиху. Бабушка рассказывает всякие сказки на ночь. Рассказывала: «Вот не слушаться будете, вот в трубе ветер воеет, так это леший воеет, а не ветер». Сидим на печке все, страшно так! Ветер в трубе воеет, в русской печке-то. «Дак это там леший воеет, не будете слушаться, дак он вас настигнет. Суседиха-то вот унесёт вас». Вот я сплю, и у меня там голос в голове. Вы знаете, я всегда боялась духоты и боялась темноты. Вот закроюсь,

сидела. Мне душно, открою – и мне кажется, что суседиха вот сидит. У нас же окна-то чё ничем не занавешаны были. Из газеты-то чё-нибудь сделают, вот так вот вырежут. Вот у нас такие были занавески. Из газеты вырежут, маленькую такую повесят, чтоб только немножко, пол-окна было закрыто. Когда в детстве я была маленькая, вот так вот сидит, как будто суседиха и прядёт, прямо слышно. Прямо вот этот, веретено вот так. Это вержило, называлось вержило, вержит. Это когда вот видишь, вержит тебе, то есть в детстве тебе рассказывают, и у тебя в голове откладывается, видимо, и вержит. Я вот во многих местах видела эту суседиху. Загляну в окно, любое окно, одна изба – опять сидит. А потом я на верхнем голбце сплю, около печки такой голбец был. А ещё нижний голбец был, куда спускаются. Такой голбец. Открывалось, просто так открывалось, и туда спускались, там лестница. И мне кажется, что меня даже за ноги какая-то лапа костяная вот прямо вот брала. Вот такое вот вержило мне. Страшно было. Вержит – называлось это. Рассказываю кому-то. «Да, тебе это повержило».

[п. Рябиново, 2006]

6. На самом деле домовый-то был у нас. Сходи у Толи спроси, у нас в старом доме, где у Андрей Егорыча жили. Муж говорит: «Я, говорит, прихожу домой, посуда вся вымыта. Всё, Таньки, говорит, спрошу, у дочери. “Танька, ты мыла?”, – “Нет, не мыла”. – “Кто вымыл?” – “Домовой”». У нас бабушка вон, мать евонная, живёт, говорит: «Восподи, посуда брякает, говорит, обоконок хлопает». А сами-то единственное, чё видели, – кой-ко маленький человечек ходит. (Расскажите, как это случилось.) Вот я в том доме жила, где щас Нина Андреевна спит. Тока в хлебницу заходит маленький человечек, вот махонький. И открывает хлебницу. У меня, может, давление поднялось, может, и в самом деле его не видела. (Это где было?) Вот напротив дом. (А что он делал?) Да ничё, хлебницей схлопал – и всё, больше я его не видела.

[с. Редикор, 2008]

7. Домовой нынче у меня был – разбудил нас, меня! Я встала, время три часа, наверно, было. Сходила в туалет, легла. А кошка... наверно, домовый у меня котёнок... Легла, ишо глаза-то... добром-то не уснула – вот кошка замяргала, прямо вот котёнок мяргает, и всё. А до этого кошка у меня родила. Я говорю: «Ты чё, с ума сошла, что ли, кошка жо? Только котят сейчас родила? Ты чё, по одному котёнку, что ли, каждый день рожает? Где он у неё?» Посмотрела на неё, соскочила, взглянула, а там пожар. А там наши живут, вот Женин двоюродный брат живёт. Я не знаю, за чё схватиться, куда как бежать. Я говорю: вот он и разбудил меня. Я говорю: «Домовой-то, видимо, говорю, у меня котёнок!» Хоть верь, хоть не верь. Ну, конечно, жутковато стало. Посмотрела – там зарево такоё. Давай бежать. А ето уж было... весной вот где-то было. Дом сгорел. С чего у их дом загорелся?

[пгт Ныроб, 2010]

8. (А вы верите в русалок, домовых встречали?) А верю, верю. Вот я вам расскажу щас. Я вот тут тожо сплю. Вот здесь хто-ко шабарчит, шабарчит ходит,

шабарчит, я возьми да и спроси: «К худу или к добру?» И чё-то сбормотал, я не поняла. Я говорю: «Я что ли умру?» – «Нет-де, не ты». У меня внучек умёр. Тридцать лет было. «Нет-де не ты». Но не так всё жо, как я говорю, а: «Нет, не ты» [говорит шепотом на вдохе], – как-то так вот скажут.

И три раз мне блазило. Я сижу телевизер гляжу, вот там аллах, аллах, аллах, кончился аллах, смотрю: под скатеркой хто-ко там бегат, шевелит, шевелит, шевелит, и потом вот токо вот как наталкиваются, вот этак вот поднимают скатёрку. Я давай там шуровать, думаю: мыши ли крысы ли там залезли, потом ухват – никого нету. И всё равно всё поднимают и поднимают скатёрку. И в аккурат Лёня вот зашёл, он в городе был да приехал, и тожо увидел. Мне бы не поверил. И он тожо увидел, что скатёрка подниматся. И вот когды-ко я пошла в голбець по картошку. Ну и вот, а тамока лестница у нас, железна лестница. Я стала на эту лестницу, и вдруг покатила с лестницы, катится... некуда и катиться-то, и как повернулась – и прямо мне по ноге. Скоко время колено болело. Вот я шуровала там, думаю: «Ой, нет, наверно, это и сделал». (А вы оставляете ему еду на ночь?) Ничё не оставляем. А первый раз поблазило. Я лежу, хто-ко в окошко: тук-тук-тук-тук-тук, прямо в яму. Я выглянула – никого нигде нет. Я думаю: сосед стукат, и никого нигде нет. И приходит этот внучок: «Бабушка, я умру в тридцать лет», – заявил мне. И точно. А я говорю: «А чё, хто тебе сказал, что ты умрёшь?» – «А мне нагадали». – «Хто, говорю, тебе нагадал?» А ничё не сказал он. Вот в тридцать, точно в тридцать лет умёр.

Блазнит – это вправду, к плохому. Я как-ко в больнице лёжала тожо. Вот лёжу. А там обедают сёстры да хто, на обеде, вот хохочут оне. Я всё чую. Я лежу, и вдруг хто-ко под меня подкатываются, вот меня поднимают, поднимают. А потом хто-ко с меня одеяло давай тихонько ташшыть, так тихо-о-онечко ташшыт. Я зухала, там Наташа была. «Наташа!» – я рассказываю. «Да тебя-де выпишут». Выживат. Выжил. А тут одна рожала тожо, вот ругатся: «Я тебе сейчас оторву лапу». А я говорю: «А чё там тебе, кака лапа?» – «Да кака-то мохнатая лапа меня задеват, ташшыт». И тожо её убрали оттуда. В больнице тожо блазнит.

[с. Вильгорт, 2011]

9. Про домовых-то говорят, что вот суседко живёт в голбце. Вот мы в Мисюрёве жили, в Цыдву перехали, и надо, говорит, сказать: «Суседушко-батюшко, тожо с нами иди. Суседушко-батюшко». У нас мама говорит, я-де колды-ко сплю, гляжу-де: в голбце, значит, дверь хлопнула, гляжу-де: девушка небольшая в платьичке. Она-де стала, тут, значит, лежанка, потом приступочок, это, на печку-то лизти-то. И стоит-де в платьичке в розовом. Я-де нечё не боюся. А тожно-де постояла, постояла и раз – обратно. И двери сбрыкали обратно в голбеч. Это сусидиха и была.

А тут один мужик росказывал. Говорит: вот мама уехала на мельницу, я один сплю. Тут у нас в сусидях. В голбце тожо мука была. И вот такоё, значит, сито, потом, значит, по концу-те едак вот стукнёшь, чтобы пушшэ ишо мука-то уходила. И вот он говорит: их токо там двоё и ругаются, муку сиют и ругаются, двоё, значит, в голбце-то. А он заякивался, дядька-та. Я-де голбец открыл, перекрестился-де, говорит: восподи, благослови, Христос, спаси меня душу,

господь-батюшко, бедную, голбец открыл: «А что а вы там а делаете? А что ли а вам там а муки не хватило?» Он заякивался. Всё, перестали сиять. Тожо ему толды вот и поблазило. Двоё, говорит, ругаются. Да. (А кто это?) Дак кто его знат. Говорят, какая-ко сусидиха там живёт. Сусед кой-ко в голбце-то. (Это сусед и суседиха, муж и жена?) Да, да, каки-ко. (А дети у них бывают?) А кто его знает. (Они охраняют дом?) Да, охраняют.

[с. Вильгорт, 2010]

Банник

10. Мы вот ходим [в баню] – ничё. А у меня вот сын старший, Володя, он, когда выпьет, ему надо было в бане спать. Выпьет – и в баню. Тут один раз он ушёл в баню и пришел весь чёрный, весь в грязи. Я его спрашиваю: «Ты что весь такой?» Он отвечает: «Ты знаешь, мама, меня сегодня волокли прямо в камницу. Вот увидел камницу, меня же волокут, я же всеми руками и ногами, всё равно меня туда тащут. Показалось чё, дак вот это волокёт туда, я, грит, это, только молитву сотворил, от меня это всё отстало. Я как из бани дёру дал и домой». И вот с той поры, лет 7 или 8 прошло, с той поры в баню не ходит пьяный, а то в бане спать – на полоч лягет. А вот начали волокты прямо в камницу. И вот верь нынче или не верь. (Может, он и сам не верил?) Не верил, а теперь поверил. Теперь даже не согласен один идти в баню, да ещё и пьяный.

[д. Усть-Уролка, 2011]

11. (А про банника слышали?) А когда-то раньше, может, чё-то и говорили, мама чё-то рассказывала. (А что мама говорила?) У нас мама говорила, после родов нельзя оставлять роженку в бане одну. Я, говорит, ушла с ребёнком в баню. А бабушка долго не пришла. Вот, говорит, меня за ноги кто-то дергал-дёргал, с полка́. Я спала уже, с лавки потом пала на пол, потом, смотрю, говорит: бабушка заходит – и всё, ничё нигде не стало, вот не знаю. Ну, ето вот слышали раньше. (А с ребенком-то ничего не стало?) Нет. А он как лежал, так его и... он, видимо, младенец, дак не грешный, ничё дак.

[с. Кольчуг, 1998]

12. (А у вас в бане не блазило?) Не блази́ло. Не-ет, блазило у нас в деревне-то. В деревне-то, час я тебе расскажу. Вот на вечёрки-те, вот вспомнила, видишь. Тожо такой интересный такой росказ забыла. Ой, старуха... Ребята собрались – девьки и ребята – в бане вот собралися сидили. Это не наше поколение, старше нас. Сестра у меня вот ходила туда. Сидели все, играли. Репы, где-ко сходят в яму, к кому-нибудь, украдут репы, ведро принесут и жорю́т сидят репу вместо яблок. Вот. И роспóрили ребята. А у нас в деревьне, на Исаково идти, значить, последняя баня стояла: тут ворота, тут баня, и тут баня. А схóдни были, там огороды были, скот ходил дак, визде огороды были. Сходни были такие сделаны: ходили не через ворота, а по этем сходням. И в этой бане блази́ло. Да, привидения всё время блази́ли. Кому, ну не всем, но кому блазили. Вот робята

росспóрили. Время двенадцать. «Вот время, говорит, двенадцать – кто пройдёт, кто пройдёт мимо этой бани?» Да. Тот говорит: я уж не пойду, нет. Другой говорит: я не пойду. Один, бойкой какой: «И чё будет? Ничё не будет. Я схожу и перейду взад-вперёд, всё». И пошёл. Ну, робята смеются: ну-ко чё будет? Он прошёл туда, туда прошёл, значит – ничё. Обратнo-то пошёл – вышла дéвица из перебáнка-та. Девка вышла и говорит: ты куда пошёл? Он говорит: да домой иду, куда я пошёл. Испугалса. Говорит: знаешь, что? Вот есле, есле меня замуж возьмёшь, да, женишься на мне, значит, и пойдёшь. Эсле не женишься – сечас тебя не будет тут. Да, не будет. Он: ладно. «Ну как?» Он говорит: «Женюсь». Женюсь, говорит. «Не думай, что от, это, не женишься. Женишься. Я всё равно потом тебя найду». «Женюсь, – говорит, – женюсь». И сказала яму, значит, в какое время, эта, жениться ему, свадьба будет, свадьбу вот в такое время сыграм. Ну. Прошёл. Она ушла, он ушёл – отпустила яво. Он пришёл, помалкиват, сел и сидит. «Ну что? Ничего?» Он говорит: «Ничего, прошёл да и всё». Да. А сам трясётся. Ну потом... ладно. Пришло время. Пришло время – надо свадьбу сряжать. Матере говорит: «Я жениться хочу, давай сряжать свадьбу будем. Да. «Ну, давай, будём сряжать свадьбу». Не против. Срядили свадьбу. «Ну где ино невеста-та?» – «Сейчас приведу невесту». Да. «Счас нивесту приведу». Пошёл к этой бане, пошёл к этой бане. «Никого мне не надо, я, мо, один пошёл». Да. Пошёл к этой бане, невеста вышла, значит, и пошли. Привёл невесту: «Вот моя невеста». «Где ино, какая ино она? Эдь чё, старухи наш брат какие?» Знать надо. Привёл невесту, значит, привёл хорошую. Да. Вот отошла свадьба, всё. Прожили, это всё сделали. Стала потом маслениця, маслениця-праздник. Это была у нас тут... чистой понидельник. А в чистой понидельник ездят зетевья к тёшшам. Да, невеста, значит, везёт домой жениха. Вот. Ладно, чистой понедельник пришёл. «Я пошёл запрягать лошадь». Запрягать лошадь. Поехали мы к матери, говорит. «Куды ино поедешь?» – «А поехали к тёшшэ, к тёшшэ, – говорит, – поехали». А сам боится: «Вот к чертям-то, говорит, заеду, наверно». Приехали оне... запрёт лошадь, посадил невесту и поехали. Поехали в другую деревню, значит. Приехали. Он говорит: «Куды ино поехали мы?» – «Давай езжай, я скажу, куды». Приехали. «Вот к этому дому подъезжай». Подъезжай, говорит, вот к этому дому. Подъехали к дому, привязали лошадь, поставили, заходим в избу. Заходят в избу. В избе качается зыбка у женьшыны, зыбка качается. Она взяла полено берёзовое, эта, невеста взяла берёзово полено, зашла в избу: «Открой двери!» Открыл жоних двери, она зыбку повернула ногами во двери, по зыбке колонула, где голова, поленом берёзовым – шить! – и улетел этот ребёнок. И нет, всё. Вот. Она мать... мать пришла, говорит: «Чё ино эдако-то наделала ты?» Вот ты, говорит, водилася, меня родила, оставила в бане – черти переменяли. Ты с чертёнком водилася, а я у чертей воспиталася. Я твоя дочь. Вот. И вот двадцать лет водилася с чертёнком. Он какой был, такой и есь. (Не рос?) Не рос, такой и был. Всё. Вот и сказ. (Дак это чё, банники её утащили, подменили?) Да. (Это, значит, нельзя роженицу одну оставлять?) Нильзя, нет. Даже роженице-то одной-то ребёнка-та нельзя оставлять. Она вышла, видно, оставила ребёнка-то. Оне подминили.

[п. Керчевский, 2009]

13. (А про баню слышали? Банник там живет?) А, банник, да. Это тожо я слыхала, люди тожо рассказывали. Одна в баню ушла. А, нет, ворожили оне, видно, ворожили... Как-то вот ребёнок-от оказался в бане. Ну и вот, всё ребёнок ревет-ревет-ревет, все ревет ребёнок. И качают в зыбке, и все – не растёт в длину. Ну когда-ко пошли, то ле она его проклинала то ли чё, не знаю, забыла, как он попал. Ну и вот, пошли, видно, ворожить тожо в баню-то, и вот там её поймал один: «Вот выйдёшь за меня замуж». Ну, она, видно, согласилась. «Вот приходи, вот то-то принеси, то-то принеси». Ну и вот, она, ладно, собралася, принесла. Колды-ко оказался парень. Ну колды-ко он взял топор, топор взял и ладит голову ему отрубить, ребёнку, замахнулся, а там веник, а не ребёнок. Вот это интересно, дак не могу рассказать-то всё то. (А как называют таких детей?) Не, дак оне ведь не знают, чё хто-ко сменил. Они не знают, думают, такой ребёнок был, вот всё-де ревет, ревет и не растёт. И всё качают в зыбке. А вот тожно этот парень-от замахнулся топором-то, а там оказался веник. И скоко лет они его катали в люльке, это вот тожо написано было, рассказывала бабушка тожо мне. Я уж забыла, как ребёнок-от попал там, не знаю. То ли она его ругала, то ли чё. (А ребенка ругать нельзя?) Дак конечно, нельзя.

[с. Вильгорт, 2011]

14. А тут соседка вон тожо пошла в баню и рассказыват: вдруг-де полетели-де камни и песок посыпался в бане. Я-де думаю: чё-ко ребята бросают камни у меня там камни-то, пугают-де меня? А утром ушла, встала – никих камней, ничего нету, всё на месте. А у мужика-то брат умер. А вот, говорят, тожо в шесть часов, в седьмом в баню тожо нельзя ходить. (Почему?) Вот банник-то там и блáзнит. (Еще говорят, после двенадцати нельзя?) Да, вот в двенадцать часов тоже нельзя. (И дня, и ночи?) Да.

[с. Вильгорт, 2011]

15. Барабашок-то я не знаю, а банника-та я слыхала. У нас вот мама рассказывала. Колды-ко у ё, значит, ишо дядя Мика был маленькой. Она пошла в баню с им, положила его на лавку. Восподи, глядит: с каменки камни повалилися. То ле ей показалось, то ле чё. Знашь, она испугалася, парня завернула как попало и бежать из бани. Вот. Оне пришли – все камни на месте. То ле ей это в голове показалось, она не дурная ничё бабка была. А чё, она молодая тоды ишо была дак. Рассказывали.

А тут один мушшына рассказывал. Гот, не пьяный, ничё был. В баню, грит, пришёл. Восподи! Тут вокруг бани, значит, на гармошке играют. Вот песни поют, играют, играют, играют. А кто-ино вкруг бани-то? Вышёл, кругом обошёл – нигде нету. В бане играют, в бане играют. Всё. Он тожно испугался и из бани убежал. Это вот и звалися, что оне, банниками звали, что особенно после двенадцати часов не надо в баню ходить. Дак в 12 часов хто ходит в баню-ту?

[с. Вильгорт, 2010]

Леший

16. Вот у нас однажды, здесь уже, в Кольчуге мы жили, была старуха, Анна Степановна. Пошла она за грибами вечером. С лугов шли домой, а я, говорит, тут в осиннике похожу. Ей этот чёрт, показался её муж Степан Константинович: «Пойдем, Анна, там! Там у меня тоже женщина сидит, дак там, у костра». Шли-шли-шли, шли-шли всё ниже Глушкова уже спустилися, ну, по этой стороне-то Камы-то. Смотрю – костёр горит. Сидит женщина, вся в красном. Я, говорит, испугалася, остановилася. «Что стоишь, давай, иди, подходи!» А я, говорит, потом давай, ну, каку-то вот молитву да чё читать. А он, говорит, дал мне в спину-то и, говорит: «Иди и не оглядывайся». Вот такой вот... даже мурашки по телу. (Дак это леший был!) А хто ино? Конечно! (А он может в образе других людей представляться?) Обязательно!

Вон в Долдах у нас старуха была. Её муж умер, к ей он ходил, этот леший. (Муж ходил в дом?) Леший ходил! Мужом казался! Казался мужем! И даже придёт: «Давай, Катя, слезай! Я самовар поставил!» Потом её стали женщины ругать. По дрова поехали двое, а она и говорит: «Щас нам Тима-то поможет!» – «Какой-де Тима-то?! Нашла ты Тиму!» А Тима уж сколько годов лежит, года, поди, уж два-три. Ага. Приехали – никакого Тимы. Как она заругала её, никакого Тимы. Вечером она ей сказала: «Ты смотри, одна не спи или на печке спи!» Она, говорит, легла на печку спать. Он пришёл, всё открыл, поставил самовар среди полу, говорит: «Горит костёр, самовар кипит! Катя, вставай чай пить!» – «Я не пойду чай пить, я не хочу сёдня чай». Звал-звал её, а с печки он, говорят, не может взять человека. Вот правда ли, нет? А зимой было дело. Двери все открыл, ворота открыл, скота всего выпустил. И такой, говорит, ветер под окном поднялся! И всё потом утихло, как она слезла, с печки-то.

[с. Кольчуг, 1998]

17. Ето вот было уже при мне. Нам было, наверное, тогда лет по восемь. Да, это было в деревне Светлый родник. Светлый родник деревня, и Светлый родник река. Унья, река-та Унья, а деревня Светлый родник. Это было, как бы не соврать, где-то в сорок девятом году. Мы вот бегали, у нас тогда молодёжи мало жо было. А он один сын был у отца и матери. Девочка была у них ишо, она умерла. Паша звали парня. В деревне сенокос как раз был. А где вот они сенокосили, там было километров, наверно, десять ли пятнадцать ли вот расстояние между теми участками, где сенокосили. А он любил, Паша этот, собирать ягоды. Тогда ягод много было. Всегда один бегал. Когда вот мы соберёмся, такие мелюзга, идём. Вот сидели, у нас же ведь не говорили раньше «обед» – а павжна называлась. Вот обед обедом, завтрак, обед и ужин. А у нас, значит, обед – это утром, павжна. Почему павжна называли, не знаю. И вот поели, и он и говорит: «Я пойду по ягоды». Это матери-то говорит. Она и говорит: «Поди-ко ты к лешему, а не по ягоды, надо сено, копна косить, а ты пойдёшь по ягоды». Ну и всё. А мы чё, мелузга́, мы в этой деревне – оне там на сенокосе. Они его не оставляли дома

одного, чё он один дома? А тут мы чё, у нас у мамы маленькие ребята были, с ними, видимо, сидела, тут ешо девки бегали. Ну, в общэм, мы не подходили к этому, нас не волочили на сенокос. Вдруг на лошаде приезжают: «Пашку не видели?» – «Нет, не видели». Паша Полин всё его звали. Поликарп у его отец-то. И все на уши встали. Куда девался? Вот исчез. Его искали недели три, наверное, искали его. (Не нашли?) Нашли, потом стали Боуу молиться – и всё. Он и говорит: «Я слышу, лес, вот так вот стоит лес, я слышу, как меня кричат. Я только начну, говорит, голос, рот открыть, я не вижу никого, а рот закрывается мне. А во сне снится, говорит, вывороток, вот где ёлка падает, и вот это под корнём. Ну, девки, – говорит, – ходят всяко, такие плаття бравые. А тут, говорит, у их мати говорит: «Ты наше не ешь, ты наше будешь ись – ты останешша у нас». Потом стали молебен служить, а вот эте старушки-то у нас жо... Там у нас нету на Печоре церкви. Только нынче вот церков-то открыли. Счас только в Чердыни была, в Ныробе тоже не было. И вот эти старообрядцы стали Боуу молиться да чё да. И вот она отпустила ёго. И он потом говорит... Я ето даже помню, как он спускается с горы. Оне с горы спускаются – и сразу баня, и ниже маленько – ихний дом, и вот он сразу раз – туда забежал домой. Мы все: «Паша пришёл, Паша пришёл». И он никуда к нам не идёт, нам же жарко, надо идти купаться. Тут потом бабка подошла к ему, накинула на него шёлковую ленточку с какими-то, видимо, словами. Ему даже не разрешали купаться, чтобы вот, мало ли чё. И вот это прилучилося в писят пятом году. (Мы вот ещё уточнить хотели, кого он там видел, пока в лесу ходил?) Мать перелешакала, да и. (А кого он там видел?) Он во сне видел таких жо девушек. Это как... у лешего называются дети, потому что у их мать была, и вот она сказала: «Ты не ешь наше, если ты будешь наше ись, ты у нас останешся».

[пгт Ныроб, 2010]

18. И вот этот, как говорится, леший ле как ле он называется, вместо отца пришёл к матери. Мать болела, он уже, Паша, учился, в седьмом классе, наверно. Приходит телеграмма: «Паша в школе нет?» Ну, чё, как не в школе? У нас тогда жо не было ни телефонов, ничего. Ну и вот, а он, отец у него, как раз ходил на охоту, и он с ночёвóй, ночёвали они. И вдруг говорит... она болела всё время, Анна-та, тожо. Говорит: чё, Поли [мужа] долго нету. А мне надо, как бы болею, а печку – дрова надо. А воду надо было с реки носить, далеко. Приехал, говорит, с горы скатился на лыжах. А лыжи охотничьи, широкие, и вот этта камусы пришиты. Стал, говорит, так вот лыжами похлопал. «Поля?» – «Поля». Говорит: «Открой мне двери, у меня руки замёрзли». Ну, она открыла дверь, сама поставила на стол, легла на печь. Поел он, полёжал на кровати и говорит: «Я пойду раньше, пока народ спит». А на охоту всегда рано ходили, чтобы вот там дорогу не пересечь, ничего вот ето. Ну, ушёл и ушёл. «Я, – говорит, – обратно на печь легла». Ну вечером, вечером обратно, тожо где-то часов в двенадцать – в час, вот в самоё глухоё время. А потом в третьей раз он. А когда он сел за стол-то второй раз, я, говорит, смотрю с печи-то на него, чё-то, говорит, он сидит, рот закрывает». Это уже при мне уже было, она сама рассказывала. Думаю, чё он рот закрывает? Опять без задней мысли... Так опять на койку лёг, то ли спал, я,

говорит, задремала, не слышала, он опять ушёл. На третий раз он приходит, на третью ночь, и говорит: «А чё ты со мной не ложишься? Всё на пече да на пече». – «Ну я и, – говорит, – его накормила, ну, чё, думаю, и легла к нему на кровать, и вот ногами своими так вот по ноге». И говорит, как она сказала, что я почувствовала не ногу, а копыто. Как, говорит, я тут заорала! О господи! Он говорит: «Уже поздно». Ну она тут... У нас-то в деревнях-то же больше Богу веровали, – и он как пошёл, как ветер поднялся в вихрь, с крыши всё сорвало, всё кругом... она лежит, бедная. Он ушёл, она не знает, за чё взяться, вобщэ перепугалась вся, она уже поняла, что к ней пришёл дьявол. Она уже испугалась. Ну, вечером к ней приезжает, прикатывается уже сам Поля, настоящший. «Я на пече лежу, говорит, от страху трясусь, печь не топлена, он стучится... “Не пушшу, ты приходил три раза”. – “Какой три раза?”» Он уже потом понял, и вот он потом из-за этого подал телеграмму в Якшину, училися мы. Вот он, как мать ничё не мог, дьявол, сделать, значит, он можот, как вот его маленького отдавали лешему ле как ли, думает, что, может, обратно как прилучилось. И вот он ходил, щас скажу, он до каких годов ходил... Мы на Печоре были. В шестьдесят пятом году я Лену родила. И вот в шестьдесят пятом году она сидела у нас, вот уже стали молебен служить, чтобы он от неё отстал. Она вот... Сусай, вот здесь на Колве, и на Печору там восемнадцать километров был проход. И Женя с ней шёл. Она говорит: «Ты меня, Женюшко, далёко-то меня не оставляй, я опять боюсь, как бы ко мне дьявол не прикоснулся». Она не сядет на стул, чтобы молитву не прочитать. Не лягёт спать, если она не перекрестится. Она везде всё со крестом. Вот она сама рассказывала. Вот это уже очевидно: чё уж слышала, то слышала. Ну, он отстал от неё, стали потому что Богу молиться и молебены и что и служить. Он отстал от неё. (А почему он вообще к ней пришёл?) Она, вот и говорят, когда спать ложишша, надо двери все... чтоб он не мог двери открыть, потому что она их со молитвой закрыла. И никогда человека не жди: если он сказал, в какое время приидёт, то он и приидёт. Она его ждала, вот дьявол и прикоснулся к ней. Вот он и пришёл. <...>

(А вот вы <...> говорили, что он сидел с закрытым ртом, а что, закрытый рот – это признак того, что он дьявол?) Да. У него, говорят, что в роту пламя. Вот он и закрывает это пламя. А если она бы сразу увидела его, что у него в роту пламя, она бы его до себя не допустила. (А он что, молчал, что ли, всё время?) Он разговаривал и рот прикрывал... В старое время боле Богу веровали, а нынче сами дьявола́ стали. Нынче ведь ни в Бога, ни в лешего – нив кого не верят. А раньше... особенно вот на войне... с войны ведь много не приходили. Ждёшь-ждёшь-ждёшь, и вот он тебе прикатился. У меня Женя болел вот, сын-то, у него воспаление печени было. Уехали оне за кедровыми шишками. Я сижу у окна. Смотрю: оне идут, я пошла двери открыла, а потом муж-то и говорит: «А чё это ты не спрашиваешь, кто идёт?». Я говорю: «Я ведь вижу, что вы идёте». А он: «А хто знат, мы или не мы?» И мне чё-то так не по себе стало. А так вот, слава Господу богу, нечё не было такого, чтобы где-то куда-то я шла за кем-то, не, не было такого. Хватит, нагрешила много с вами...

[пгт Ныроб, 2010]

19. Вот эта старуха рассказывала, вот Галактионовна-то Ефимка. Мужик один раз женился – баба умерла. Второй раз женился – баба умерла. Ну, на третий раз бабу полюбил. А он с бабой сойдётся, поедёт на охоту, мешок, значит, ей несёт, и второй мешок несёт в подвал. Ей говорит: «Ты в подвал не ходи, ну, в голбец, там нечё тебе делать». Ну, любопытство-то берёт. И вот он только уходит, она в подвал. Он тут же вертается, её бьёт, бьёт, и, как говорится, забил. Нечё тебе там делать. Вторая баба тожо так жо. А женился он на третьей. Эта старуха сама рассказывала. Значит, она тоже видела, знала. «Ну, так жо мешок занёс, один в подвал, другой мне – и в подвал не ходи». Он только ушёл... А, нет, он их не бил, у них был разрыв сердца. С перепугу. «Я, – говорит, – только спустилася на треттю-то лесенку, смотрю, говорит, – там такой чан большушый. И стоит, говорит, мужик ле леший ле, такой рогатый, и как веслом мешает эту мешанину. У их получался разрыв сердца. Я, говорит, на четвереньках, на четвереньках выползла на пол, тут и пала». Мужик-от приходит и говорит: «Ну, чё, увидела? Ишо пойдёшь? И всё, если будешь говорить кому, там и будёшь». Дак она уж молчала, никому не говорила, что у него там живёт. (А что за чан?) Да вот сам леший и живёт там у него. Вот он, чтобы она не умерла с перепугу, он и показал там кузькину мать. Вот она и выползла потом по лестнице-то вот.

[пгт Ныроб, 2010]

20. (А в лесу, если человек пошел по грибы, по ягоды, потерялся?) Да, тожо можот чёрт водить. У нас одна этто ушла тожо в лес и двадцать дней ходила. Чёрт её водил. Потом её стали поминать, думали, она уж умерла, двадцать дней ведь, всё-даки надо чё-то ись, умрешь с голоду. Ну, и вот, стали её поминать, и она вышла, на пастухов вышла. Вот так. Есь, есь, это чёрт водит. Тут одна рассказывала тожо: вот заблудились, не знам, куды идти домой, легли спать в лесу. Утром встали, а дорога рядом – у дороги спим! Да. (А как выйти из леса, если заблудился?) По солнышку надо. Можно и по солнышку. А у нас один раз тожо ходили по ягоды, ну, молодые ишо были, не я, конечно, а девьки вильгортские. Заблудились, не знают где. А ребята спелились на ёлку, церкву увидели. Раньше колокол там был, в церкви-то, брякат, и на производстве тожо гудок гудел. Как обед, гудок гудит. Как вечер, опеть гудок гудит. Даже вот можно выйти по этому.

[с. Вильгорт, 2011]

21. (А еще что-нибудь про колдунов помните?) Про колдунов? Не знаю, чё ишо. Я много слыхала дак, щас ишо расскажу. Тожо в больнице вот лёжишь, там и рассказывают. Вот один мужик пошёл в уборную-де, ну, без шапки, безо всего вышел, и вдруг приходит к нему товариш. Ну и вот: «Пойдём ко мне». Ну, пошли к нему, вот идут. А так рассказыват: всё по Базарной улице идут-идут-идут, он весь пристал, всё идут, идут, идут, идут, идут без конца. Токо сели отдохнули, посидели – снова пошли. Всё идут-идут-идут, потом опеть пристал, сели. Он тожно догадался и перевернул стельки в сапогах, перевернул и оказался: сидит около Соликамска в деревне, на бревне.

[с. Вильгорт, 2011]

Указатель мотивов к публикуемым текстам

I. Внешний вид нечистой силы

I.A. Лохматые / мохнатые

I.A.1. Суседко мохнатый и с рогами (1)

I.A.2. У домового мохнатая лапа (8)

I.B. Маленький рост

I.B.1. Домовой – *махонький человек*, уходит в хлебницу (6)

I.B.2. Суседиха маленького / небольшого роста (1, 9)

I.B.2.1. Суседиха маленького роста прядёт, сидя на грядке (полке для посуды) (1)

I.V. Рогатые, с копытами, костяными конечностями, огнем

I.V.1. Суседиха выглядит как зверь, у нее голова с ушами и рогами (1)

I.V.2. Суседко мохнатый и с рогами (1)

I.V.3. Леший, живущий в подвале/подполе у охотника, выглядит как мужик с рогами (19)

I.V.4. У нечистой силы / суседихи костяная лапа (5)

I.V.5. У лешего / дьявола вместо ноги копыто (18)

I.V.6. У лешего / дьявола во рту пламя, которое он прячет, прикрывая рот (18)

I.G. Одежда и предметы

I.G.1. Суседиха с веретеном (1)

I.G.2. Суседиха в розовом платье (9)

I.G.3. Чертиха/лешачиха в красной одежде (16)

I.G.4. Дочери лешего в «бравых платьях» (17)

I.G.5. Леший на охотничьих лыжах с пришитыми к ним камусами (полосами оленьей шкуры) (18)

I.D. Антропоморфный облик

I.D.1. Родственные отношения

I.D.1.1. Сусед и суседиха – муж и жена (9)

I.D.1.2. У лешего есть жена и дети (дочери) (17)

I.D.2. Суседко – человек маленького роста (6)

I.D.3. Чертёнок принимает вид украденного в бане ребёнка (но не растёт, всё время плачет) (№12, 13)

I.D.4. Нечистая сила появляется в мужском облике

I.D.4.1. Нечистая сила в облике знакомого мужика зовет в гости (20)

I.D.4.2. Чёрт/леший приходит к женщине в облике ее отсутствующего мужа (16, 18)

I.D.4.3. Леший приходит к вдове в облике ее покойного мужа (16)

I.D.4.4. Лешего видят в голбце (подполье) в виде мужика с рогами, он что-то мешает в большом чане (19)

I.D.5. Нечистая сила появляется в женском облике

I.D.5.1. Суседиха – небольшая девушка в розовом платье (9)

I.D.5.2. Чертиха/лешачиха сидит у костра в виде женщины в красной одежде (16)

I.D.5.3. Дочери лешего – девки «в бравых платьях» (17)

I.E. Другой облик

I.E.1. Суседиха выглядит как *зверь*, у нее голова с ушами и рогами (1)

I.E.1: Леший /дьявол, которого разоблачила женщина, улетает из дома в виде вихря (18)

II. Признаки появления нечистой силы

II.A. Нечистая сила выдает свое присутствие голосом

II.A.1. Домовой отвечает на вопрос, но говорит не как человек – шепотом и на вдохе (8)

II.A.2. Сусед и суседиха ругаются в голбце, когда сеют там муку (9)

II.A.3. Домовой мяукает, как котёнок, – предупреждает о пожаре (7)

II.A.4. Вокруг бани слышится пение и игра на гармошке – это пришел банник (15)

II.B. Нечистая сила выдает свое присутствие шумом

II.B.1. Домовой ходит, шаркает, шуршит (8)

II.B.2. Суседиха прядет – ее веретено/прялка издает громкий звук (1, 4, 5).

II.B.3. Суседиха убегает в голбец по лестнице – слышны брякающие звуки (1)

II.B.4. Слышно, как суседиха в подполье сеет муку (4, 9)

II.B.5. Слышно, как суседиха в подполье щелкает пальцами (4)

II.B.6. Нечистая сила специально шумит – ходит, стучит по потолку и под окном, гремит самоваром, чашками, ложками и т.п. (3, 6)

II.B. Нечистая сила выдает свое присутствие другими способами

II.B.1. В доме оказывается вымытой посуда, которую не мыли жильцы, – это сделал домовый (6)

III. Действия нечистой силы

III.A. Нечистая сила помогает по хозяйству

III.A.1. Сусед и суседиха охраняют дом (9)

III.A.2. Домовой моет грязную посуду (6)

III.A.3. Леший живет в подполе / в подвале в доме охотника, что-то размешивает в большом чане; охотник относит ему половину добычи (19)

III.B. Нечистая сила предсказывает, предупреждает о беде

III.B.1. Домовой ночью мяукает, как котенок, – предупреждает о пожаре у родственников (7)

III.B.2. Суседко давит «не к добру» – перед смертью хозяина дома и т.п. (2)

III.B.3. Если суседко отвечает, что появился к худу, – это к смерти (1, 8)

III.B.3.1. Суседко предсказывает – говорит женщине, что у нее умрет внук (8).

III.B.4. Нечистая сила/домовой/банник «блзнит» перед несчастьем

III.B.4.1. Кто-то сучит в окно, хозяйка выглядывает и никого не видит (к смерти внука) (8)

III.B.4.2. Нечистая сила бежит под скатертью и поднимает ее; что-то скатывается по лестнице в подполье и задевает хозяйку по ноге (к болезни) (8)

III.B.4.3. Женщине кажется, что в бане падают камни и сыплется песок – у ее мужа умирает родственник (14)

III.B. Нечистая сила пугает

III.B.1. Ночью суседиха берет спящую женщину за ногу костяной лапой из подполья (5)

III.В.2. Домовой «выживает» женщин из больницы: ночью приподнимает с постели, тянет одеяло, задевает, тащит мохнатой лапой – их вскоре выписывают (8)

III.В.3. Нечистая сила пугает находящихся в доме людей ночным шумом (3)

III.В.4. Банник пугает в бане женщину с ребенком: ей кажется, что из каменки падают камни (14)

III.В.4.1. Банник пугает в бане роженицу, но не трогает младенца, потому что тот *не грешный* (11)

III.В.5. Банник пугает в бане мужчину: он слышит пение и игру на гармошке, но никого не видит (15)

III.Г. Нечистая сила наказывает за нарушение запрета

III.Г.1. Суседко/нечистой давит, если человек сильно о чем-то переживает (1)

III.Г.2. Суседиха пользуется мукой, которую хозяева закрыли в подполье без благословения: сеет ее и т.п. (1, 4)

III.Г.3. Суседиха прядет на прялке кудель, которую хозяйка оставила на ночь без благословения (4)

III.Г.4. Банник «блазнит» в бане в запретные часы: 6–7 часов / в полночь / в полдень, – в это время нельзя туда ходить (13, 14, 15)

III.Г.5. Нечистая сила тащит в печку-каменку пьяного парня, который ночует в бане (10)

III.Г.6. Банник стаскивает с полка недавно родившую женщину, которую с ребенком оставили в бане одну (11)

III.Г.7. Младенца оставляют в бане – банник/черти подменяют его (12, 13)

III.Г.8. Мать прокликает ребенка – нечистая сила подменяет его (13)

III.Г.9. Мать *перелешакала* ребенка – он потерялся в лесу (17)

III.Г.9. Муж и жена идут вечером по грибы – чёрт в облике мужа уводит женщину далеко в лес (16)

III.Г.10. Жена вспоминает отсутствующего мужа – к ней под его видом приходит леший/дьявол (18)

III.Г.11. Леший (в виде покойного мужа) сердится, что женщина укрылась от него на печке: открывает зимой двери и ворота, выпускает на улицу скот (16)

III.Г.12. Жена спускается в запретный подвал/подпол, видит там лешего – у нее случается разрыв сердца (19)

III.Д. Нечистая сила забирает людей

III.Д.1. Нечистая сила под видом знакомого зовет мужика в гости и уводит далеко (21)

III.Д.2. Черт водит людей по лесу

III.Д.2.1. Чёрт водит женщину по лесу 20 дней, потом отпускает (20)

III.Д.2.2. Люди, которых водит чёрт, не могут выйти из леса, ложатся спать – утром просыпаются у дороги (20)

III.Д.3. Нечистая сила не отпускает *перелешакнутого* матерью ребенка домой, «закрывает» ему рот: тот слышит голоса людей, но не видит их, не может подать голос (17)

III.Д.4. Лешачиха предупреждает заблудившегося ребенка, чтоб он не ел их еды, иначе останется с ними в лесу (17)

III.Д.5. Черти растят подмененную девочку в бане (12)

III.Е. Выросший в бане подмененный ребенок старается вернуться к людям

III.Е.1. Подмененная нечистой силой девушка ловит идущего мимо бани парня, требует жениться на ней, он соглашается – она становится его женой (12)

III.Е.2. Подмененный нечистой силой парень ловит в бане гадающую девушку, требует выйти за него замуж, она соглашается – он становится ее мужем (13)

III.Е.3. Подмененная девушка поворачивает ненастоящего ребенка ногами к дверям, ударяет по голове берёзовым поленом – чертёнок улетает (12)

III.Е.4. Подмененный нечистой силой парень замахивается на ненастоящего ребёнка топором – вместо ребенка в зыбке оказывается веник (13)

IV. Действия людей при встрече с нечистой силой

IV.1. Действия в доме

IV.1.1. Женщина не может прогнать давящего ее суседку, говорит: «Господи, благослови, Христос», – он уходит (2)

IV.1.2. Человек слышит, как в голбце ругаются сосед с суседихой, крестится, молится – шум прекращается (9)

IV.1.3. Хозяйка дома, в котором ночью шумит нечистая сила, молится, ставит свечку в церкви – шум прекращается (3)

IV.1.4. Хозяйка видит, как из голбца выходит суседиха, но не боится ее – суседиха уходит обратно под пол (9)

IV.1.5. Женщина, к которой под видом мужа приходит леший, лежит на печке, – там он не может с ней ничего сделать (16, 18)

IV.1.6. Женщина, к которой много лет ходит леший / дьявол, всё делает с молитвой, за нее служат молебны – он перестает приходить (18)

IV.2. Действия в бане

IV.2.1. Парень, которого нечистая сила тащит в печку-каменку, молится – его отпускают (10)

IV.2.2. Родственница заходит в баню к роженице, которую оставили одну, – банник отпускает ее (10)

IV.3. Действия при пропаже человека

IV.3.1. Старообрядцы молятся Богу, просят за потерявшегося ребенка – лешачиха отпускает его домой (17)

IV.3.2. Люди начинают поминать давно пропавшую в лесу женщину – чёрт отпускает ее (19)

IV.3.3. Потерявшийся ребенок слушается лешачиху и не ест в семье лешего еды – его отпускают домой (17)

IV.3.4. Мальчик, вернувшийся из семьи лешего домой, не подходит к детям – старушка накидывает на него шелковую ленту «со словами», чтоб он не боялся (17)

IV.4. Действия в лесу и на дороге

IV.4.1. Женщина, которую чёрт / леший завел в лес, начинает молиться – он ее отпускает: толкает в спину и велит уходить не оглядываясь (16)

IV.4.2. Женщина, к которой приходит леший / дьявол, просит не оставлять ее в дороге одну, чтоб он опять не пришел к ней (18)

IV.4.3. Мужик, которого нечистая сила под видом знакомого долго куда-то ведет, догадывается перевернуть стельки в сапогах – оказывается, что он сидит на бревне в далекой деревне (21)

V. Прочее

V.1. При переезде в новый дом надо позвать с собой домового: «Суседушко-батюшко, тожо с нами иди» (9)

V.2. Человек пугает других людей нечистой силой

V.2.1. Бабушка пугает внуков, говоря, что в трубе воет не ветер, а леший (5)

V.2.2. Бабушка пугает внуков, говоря, что если они не будут слушаться, их унесет суседица (5)

Список информантов

Ермакова А.С., 1926 г.р., с. Вильгорт.

Ишимова Р.И., 1957 г.р., пгт Ныроб.

Копытова А.А., 1911 г.р., с. Кольчуг.

Копытова У.Е., 1924 г.р., с. Кольчуг.

Мисюрёва Н.П., 1941 г.р., пгт Ныроб.

Нижегородова К.С., 1922 г.р., п. Керчевский.

Никитина Л.Д., 1963 г.р., с. Редикор.

Пошехонова Н.С., 1947 г.р., п. Рябинино.

Стрельцова А.Д., пгт Ныроб.

Сулова Е.В., 1932 г.р., с. Вильгорт.

Чечулина М.С., 1927 г.р., с. Редикор.

Шаламова В.И., 1956 г.р., д. Усть-Уролка.

Список собирателей

Беломестнова А.С. (№7, 17–19)

Елтышев С. (№7, 17–19)

Казеев В. (№9, 15)

Калуцких А. (№8, 13, 14, 20, 21)

Королёва С.Ю. (№2, 3, 10)

Костомарова Н. (№5)

Курочкина М.В. (№4)

Овчинников А. (№11)

Рассанова Л.С. (№5)

Растянис Е. (№11, 16)

Русинова И.И. (№1, 6, 12)

Семёнова И. (№11, 16)

Фишбейн Е. (№9, 15)

Составители: И.И. Русинова, С.Ю. Королёва